

ТАТЕВИК САРГСЯН
Кандидат исторических наук
Научно-исследовательский центр
крымоведения и охраны культурного
наследия Республики Крым
statevik@mail.ru

СЕЛО ТОПОЛЕВКА В КРЫМУ И ЕГО АРМЯНСКИЕ ПАМЯТНИКИ

В материальном культурном наследии Крыма солидное место занимают памятники средневекового армянского зодчества и каменной пластики, заметная часть которых сосредоточена в восточной части полуострова. Это в основном церковные здания, хачкары, надгробия, сюжетные и орнаментальные рельефы – редкие уцелевшие образцы архитектурного и декоративного достояния здешней армянской колонии, некогда многолюдной и значительной по масштабу деятельности. Причем, слово «уцелевшие» в данном случае имеет весьма условное значение, поскольку весомая доля этих раритетов находится на грани полного разрушения. После Феодосии и Старого Крыма, включая и окружающие их территории, следующее место по количеству армянских древностей занимает Белогорский район полуострова. К нему и относится село Тополевка вместе со своими армянскими памятниками. Представленные двумя церквями, десятком хачкаров и столькими же литографиями, последние свидетельствуют о пребывании здесь многочисленного армянского населения. В округе существуют и другие бывшие армянские поселения, которые в общности своей издавна формируют самый развитый и обширный в Восточном Крыму район по возделыванию садовых культур.

Известно несколько старых названий села Тополевка, наиболее ранним из которых является «Топты» (Թոփտի). Употребляемое самими армянами, оно соседями-мусульманами озвучивалось как «Топлы» или «Топлу». После вынужденного переселения крымских христиан, в том числе и армян, в Приазовье в 1778 году и вхождения полуострова в состав Российской империи в 1783-м приближенный к тюркскому произношению этот вариант названия получил официальный статус и удерживался до 1948 года. Затем его преобразовали в объяснимую на русском языке версию «Тополевка».

Турецкий автор Эвлия Челеби, путешествовавший в Крыму в середине XVII века, называет село именем «Топлу-кёй». Он приводит его описание, имеющее важное источниковое значение: «Стоянка Топлу-кёй. Это деревня армянских неверных, расположенная в холмистой долине, со ста домами. Все дома здесь похожи на дома Эрзурумской страны, построены из сосновых брёвен, с куполами из сосновых брёвен, подобных крыльям ласточки. На одном из холмов есть их церковь – место прогулок¹». Итак, в середине XVII века, село было однородно армянским, насчитывало сто хозяйств, или же около 500 жителей. Внимание автора привлекли дома этого довольно большого поселения, построенные «из сосновых брёвен, с куполами из сосновых брёвен». Значит, дома эти, похожие на «дома Эрзурумской страны» и увенчанные, надо полагать, перекрытиями «фазарашен», были нечасто встречающимся явлением в Крыму. Челеби упоминает также одну из двух армянских церквей села – ту, которая стояла на его окраине на возвышенности (ил. 1). Вторую церковь он, скорее всего, не видел, поскольку не заезжал внутрь села. Да и на культовые здания христиан он редко когда обращал внимание.

А. В. Суворов, который приводит статистику крымских христиан, вывезенных с полуострова в 1778 году, по инициативе российских властей, называет интересующее нас село «Татлы». Его сообщение подтверждает, что оно было однородно армянским, но уже с населением в 212 человек³. К месту отметить, что с переселением армян село опустело. Жители его после долгих скитаний обосновались у берегов Дона, где заложили новое одноименное село – Топты (ныне село Крым в Мясниковском районе Ростовской области). Крымское же село Топты в самом начале XIX века было заселено понтийскими греками⁴, а позднее – русскими. Что касается находящихся в нем армянских древностей то они, оставшись бесхозными, со временем пришли в упадок и большей частью разрушились.

Название «Топты» находим как в армянских позднесредневековых сообщениях, так и в источниках нового времени, в частности в работах авторов XIX века Минаса Бжишкяна и Ованэса Тэр-Абраамяна⁵. Известный наиболее ранний армянский источник, упоминающий село, относится к 1632 году. Это

¹ Видимо, подразумеваются паломнические гуляния.

² Эвлия Челеби, 2008, 152.

³ Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, репортажи, донесения, 1885. Т. 2 (1778). 713.

⁴ Քժշկեան Մ., 1830, 262. (Бжишкян М., 1830, 262):

⁵ См.: там же. С. 262; Տեր-Աբրահամյան Յ., 1865, լիսի 2, 126–128 (Тэр-Абраамян О., 1865, Ч. 2, 126–128):

колофон, оставленный в Четых-минях: «В год 1081 [= 1632]⁶ я, недостойный иерей Григор, вышел из Тобты и прибыл в Кафу...»⁷. Таким образом, иерей Григор, по всей видимости, бывший служителем армянской церкви в Топты, в 1632 году по каким-то делам прибыл в Кафу (ныне Феодосия) и об этом оставил запись в Четых-Минях.

Топты, как одно из наиболее многочисленных и известных армянских сел в Крыму, упоминается и в одном послании к католикосу, датированном 1744 годом. В нем крымские армяне сообщают пребывавшему в Эчмиадзине главе Армянской Церкви об избрании епископа-богослова Даниела, эчмиадзинского нунция, на пост местного духовного предводителя. Причем, послание выражает единодушное мнение всех верующих, входивших в паству монастыря Сурб Хач, а именно – жителей городов Кафы, Карасубазара (ныне Белогорск), Бахчисарая, Кеозлева (Евпатория), Ора (Армянск), Акмечита (Симферополь), а также сёл Орталанка (Земляничное), Топты, Камышлы (Опытное), Салы (Грушевка) и Эски Крыма (Старый Крым). В конфессиональной принадлежности составителей этого послания сомневаться не приходится: паству монастыря Сурб Хач (знаменитый монастырь Святого Креста близ Старого Крыма), являющегося и ныне престольной святыней крымских армян, составляли приверженцы национальной церкви. Впрочем, в противном случае, послание и вовсе не было бы адресовано католикосу Эчмиадзина: «...мы, народ Крыма, знатные и простые, старцы и юноши, главы общин и все верующие вообще: жители Кафы и Карасу, Бахчисарая... а также сел, а именно – Орталанка и Топты, и Камышлы, и Салы... мы, что изначально состоим в епархии и пастве нашего монастыря Сурб Хач», своим духовным главой провозглашаем епископа Даниела⁸.

Конкретное время основания села неизвестно. Ориентиром в этом вопросе служат сведения о том, что исстари славящаяся красотой и плодородием долина между городами Сурхат (Крым, Эски Крым, ныне – Старый Крым) и Карасубазар стала активно заселяться армянами с начала XIV века. Основано это утверждение на двух армянских источниках второй половины XVII века. Первый из них представляет собой стихотворную историю армян

⁶ Содержимое квадратных скобок отсутствует в оригиналах и служит для уточнения либо коррекции сказанного.

⁷ Հայերն անուարերի ժէ դարի հիշատակարաններ (1621–1640 թթ.), 1978, հատ. Բ, 487 (Памятные записи армянских рукописей XVII в. (1621–1640 гг.), 1978, Ч. 2, 487): Исползованные в работе цитаты из армянских источников на русский язык переведены автором – Т. Э. Саргсян.

⁸ См.: Միջոյնի Վ. Ա., 1964, 112 (Микаелян В. А., 1964, 112): Первоисточник: Архив Матенадарана им. Месропа Маштоца. Ф. Канцелярия католикоса. Папка 1. Док. 43.

Крыма, сложенную вардапетом Мартиросом Крымеци в 1672 году⁹, а второй – обширную памятную запись 1690 года оставленную писцами Давидом в переписанной им в Кафе рукописи Четъих-Миней¹⁰. Сведения указанных авторов по интересующему нас вопросу, почерпнутые из передаваемых из поколения в поколение устных сказаний¹¹, в целом идентичны по содержанию и последовательности повествования, но вполне самостоятельны и не зависят друг от друга ни по словарному составу, ни стилю изложения¹².

Мартирос Крымеци и писец Давид сообщают, что к середине XIII века часть жителей города Ани – столицы павшего в 1045 году Армянского царства Багратидов – «по распоряжению татарского хана», переселилась в город Ак-Сарай, что в устье Волги. Затем, на рубеже XIII – XIV веков, они из Ак-Сарая перебрались в Крым и обосновались в Феодосии, Сурхат – Крыме, Карасубазаре и вокруг них, пребывая как под непосредственным господством татаро-монголов, так и под контролем итальянцев, арендовавших у первых земли для своих факторий в прибрежном поясе. В итоге увеличилось население не только уже существовавших армянских поселений, отдельных городских и сельских кварталов полуострова, но и появились новые села, городские предместья, монастыри и церкви: «Тогда мы укрепились и умножились, и построили села и области; князья и знать, начиная от Карасубазара до Сурхата и Феодосии, горы и долины наполнили монастырями и церквями. И построили мы домов сто тысяч и тысячу церквей...»¹³. Выбор местности между Сурхатом и Карсубазаром для основания армянских поселений, был обусловлен удобным расположением на торговом тракте, наличием воды и дивной природой этого уголка Горного Крыма, напоминающего некоторые ландшафты исторической Армении.

⁹ См.: «История страны Крым, изложенная вардапетом Мартиросом Крымеци в стихотворной форме» в кн.: **Մարտիրոսյան Մ. Ա.**, 1958, 142–152 (**Мартиросян А. А.**, 1958, 142–152). См. также: **Գրիգորի հայ բանաստեղծներ XV–XX դդ.**, 2008, 141–151 (Армянские поэты Крыма XV–XX вв., 2008, 141–151):

¹⁰ См.: Ереван. Матенадаран им. Месропа Маштоца. Рукопись 7442. Л. 281 а – 282 б. Русский перевод см.: **Айвазовский Г.**, 1867, Том VI, 552–554.

¹¹ Об этом пишет сам Мартирос Крымеци: «Ибо не имеем предшествующих хронистов, / Записавших очевидную и общеизвестную историю, / То из сказаний наизусть надлежащее и достоверное / Взявши, хочу быть ее летописцем я». См.: **Մարտիրոսյան Մ. Ա.**, 143 (**Мартиросян А. А.**, 143); **Գրիգորի հայ բանաստեղծներ XV–XX դդ.**, 142 (Армянские поэты Крыма XV–XX вв., 142):

¹² Академик Л. Хачикян, хотя и с категорическим недоверием относился к этим источникам, записанным по устным сказаниям, тем не менее, вынужден был признать историческую подоплеку основных их сведений (см.: **Хачикян Л. С.**, 2009, 30–37. Оригинал работы вышел в свет в 1980 году. См.: **Խաչիկյան Լ. Ս.**, 1980, № 13, 7–108). Лояльнее к ним относился академик В. Микаелян. См.: **Միքայելյան Վ. Ա.**, 71–82, 268–276 և այլն (**Микаелян В. А.**, 71–82, 268–276 и т. д.):

¹³ Ереван. Матенадаран им. Месропа Маштоца. Рукопись 7442. Л. 281а.

Второй источник по этому вопросу излагает следующее:

«А те [= покинувшие Ак-Сарай анийцы], которые обосновались в Кафе
И в городе Крыме, именуемом Сулхат [= Сурхат],

Полнили церквями все места

Вместо церквей, которые оставили в [области] Ширакаван:

Построили великолепные монастыри и скиты,

Святилища в пещерах и горах,

Многие из них до сих пор существуют,

В том числе и прославленный монастырь Сурб Ншан¹⁴»¹⁵.

Как показывает сопоставительный анализ источников, переселение армян из Ак-Сарая в Крым могло иметь место в самом начале XIV века, в переломный в истории Золотой Орды момент¹⁶. Собственно к этому периоду и относятся наиболее ранние упоминания Топты. Их находим в записях, сделанных на полях греческого Синаксаря из города Сугдеи (ныне Судак), с которым село, по всей видимости, имело более тесные связи, чем с Карасубазаром или Сурхат – Крымом. Причем заметим, что в переводе записей с греческого языка на русский название «Топты» получило форму написания «Топти»: «В тот же день почил раб Божий Анастасий..., сын севаста Топти. Год 1304»¹⁷. Но если в данном случае сложно сказать «Топти», это имя самого севаста или так назывался населенный пункт, которым он управлял, то следующая запись по этому вопросу дает более ясные сведения: «В тот же день умерла скончалась раба Божия Тамар, жена Макара севаста Топти. 1305 год»¹⁸.

В свое время, ориентируясь на имя «Тамар», В. Васильевский сделал предположение о грузинском происхождении этой супружеской четы¹⁹. Между тем, как показал Л. Хачикян, указанные имена были приняты именно в армянской среде: и если имя «Тамар» было распространено уже с X века, то именем «Топты» в Крыму называлось армянское селение, основателем которого, очевидно, был некий Топты²⁰. Очень возможно, что рассматриваемое село получило свое название от имени некоего армянина Топты, сыграв-

¹⁴ Престольный монастырь Сурб Хач в источниках нередко именуется названием своего единственного храма – Сурб Ншан (Святого Знамени). По этому поводу см.: **Саргсян Т. Э., Петросян М. В.**, 1998, 70–71; **Саргсян Т. Э., Петросян М. В.**, 2008, 27.

¹⁵ **Մարտիրոսյան Մ. Մ.**, 146 (**Мартirosян А. А.**, 146); **Գրիգորի հայ բանաստեղծներ XV–XX դդ.**, 145 (Армянские поэты Крыма XV–XX вв., 145).

¹⁶ **Саргсян Т. Э.**, 2007, № 20, 172–176.

¹⁷ **Архимандрит Антонин**, 1863, Т. V, 618.

¹⁸ Там же, 605.

¹⁹ **Васильевский В. Г.**, 1915. Том 3. CLXXXVIII.

²⁰ **Хачикян Л. С.**, 88–89.

шего важную роль в его истории. Но здесь непонятно другое: если В. Васильевский и Л. Хачикян рассматривают упомянутое в Синаксаре «Топти» исключительно как имя севаста – и это в случае с первой записью вполне допустимо – то как же понять пассаж из второй записи «Тамар, жена Макара севаста Топти»?

А его, думается, следует понимать так: «Тамар, жена Макара – севаста Топти». Как бы громко не звучал этот титул для сельского главы, приведенная выше вторая запись не оставляет сомнений, что в XIII–XIV веках он использовался крымскими греками в значении «начальник населенного пункта», в том числе и сельского поселения. Таким образом, если указанное во второй записи Топти идентично рассматриваемым у армянским селением Топты, то оно в 1305 году уже существовало и имело своего сельского главу по имени Макар, а возможно – Маргар. В таком случае, каким образом запись, упоминающая супругов-армян, оказалась в Синаксаре греческого прихода, хранящемся в греко-православной церкви? Ведь представители этой конфессии армян-приверженцев национальной церкви считали еретиками.

С учетом сказанного, нельзя исключить и того, что Макар, севаст села Топты, и его супруга Тамар могли быть из числа армян-халкидонитов, впрочем, как и остальные армяне, упомянутые в аналогичного содержания записях из того же Синаксаря²¹. А это значит, что в ранний период своей истории само село Топты могло быть поселением армян - халкидонитов, или цатов. О присутствии последних в Крыму сообщает Мхитар Апаранеци в 1410 году: «Некоторые называются армянами-цатами, которые по языку, письму, племени суть армяне, но по вероисповеданию и всем правилам – греки, во всем им подчинены, как свидетельствуют те, которые проживают в Ерзнке и в остальной стране ромеев [= в Византии], в Кафе, в Крыму и во многих других местах»²². Что касается остальных армян, поименно упомянутых в Синаксаре, то к их числу следует отнести «армянина Самата» – супруга почившей в 1306 году Ерничу, «Давида... сына Сумбата» из записи 1242 года, умершего в 1301 году Агиаса (Агаси ?), возможно также отошедшего в 1311 году Петроса – «сына севаста Хутлупея»²³.

Наряду с этими армянами, одна из записей синаксаря, датированная 1292 годом, сообщает об армянах, которые, «потеряв счет», праздновали лже-

²¹ Кулаковский Ю., 2002, 185.

²² См.: Бартикян Р. М., 1987, № 4, 186.

²³ См.: Архимандрит Антонин, 603, 610, 618.

пасху²⁴. Она, по справедливому мнению ряда авторов, свидетельствует уже о наличии в тот период в Сугдее и прилегающих районах значительного числа армян традиционного апостольского толка, церковный календарь которых расходится с греческим²⁵.

Как утверждают приведенные выше источники, с начала XIV века между Кафой, Сурхатом, Карасубазаром и Сугдеей, помимо села Топты, существовали и другие армянские поселения. Это подтверждают и сохранившиеся здесь памятники армянского зодчества и каменной резьбы. Но связывать их исключительно с представителями ак-сарайской переселенческой волны было бы неверно: миграция населения из разных областей исторической Армении в Крым имела место как до этого переселения, так и после него, что, конечно же, влияло на внутриэтнический и конфессиональный состав армян указанной местности. При этом, следует обозначить верхний хронологический предел средневековья, до которого основание христианских поселений и духовных центров в Крыму было еще возможно. Он соответствует установлению турецкого господства в 1475 году. После этого переломного в истории полуострова события появление как первых, так и вторых, исключается.

Теперь перейдем к рассмотрению самих памятников.

Церковь Сурб Саргис²⁶ (Святого Сергия), находится в центре села Тополевка, слева от шоссе Симферополь – Феодосия (ил. 2, 3). Она расположена на левом берегу речки Мокрый Индол, на территории частного домовладения по адресу: Шоссейная 2 (Озерная 2). Исторических данных о времени сооружения церкви не сохранилось. Датируется она XIV веком, исходя из вышеизложенного о том, что территория между нынешними Белогорском, Старым Крымом, Судаком и Феодосией стала активно заселяться армянами-переселенцами в начале того столетия. Правомерность такой датировки подтверждают хачкары XIV-XV веков, вставленные в стены церкви изнутри, равно как и упоминание самого села в источниках начала XIV века. В качестве дополнительной информации отметим, что Е. А. Айбабина датирует памятник не ранее чем XV веком, указывая на применение в наружной кладке храма строительного материала вторичного использования. Это, как она полагает, надгробные плиты из более раннего

²⁴ Там же, 609.

²⁵ **Василевский В. Г.**, Том 3. CLXXXVIII; Кулаковский Ю., 185; **Микаелян В. А.**, 2004, 15.

²⁶ В украинском реестре церковь значилась как памятник национального значения. Охранная зона охватывала территорию в радиусе 50 м, зона регулируемой застройки – 100 м.

памятника – «храма с погребениями», а также цельный наличник восточного окна якобы из бывшей раковины крестильной купели²⁷. Яснее говоря, исследователь считает, что армяне в XV веке воздвигли свою церковь на месте бывшего здесь прежде храма, использовав при этом плиты из окружавшего его кладбища и изменив крестильную купель.

О больших плитах в кладке в 80-ые годы XIX века: упоминает и В. Д. Смирнов «По пути из Старого Крыма в Карасубазар еще попадаетея несколько древних армянских церквей, а именно две в Топлу: одна на горе, другая внизу, возле дома нынешнего помещика Бычковского. Последняя гораздо старше первой: она совершенно выросла в землю, но еще далека от разрушения, будучи сложена из огромных каменных тесанных плит»²⁸. В противоположность этому сведению О. Тэр-Абраамян в 60-х годах XIX века пишет о покосившемся здании церкви Сурб Саргис в селе Топты²⁹. Таким образом, факт ремонта старой постройки между 60-ми и 80-ми годами XIX века очевиден. И что важно отметить, это мероприятие производилось отнюдь не с целью возобновления в ней богослужения: А. Маркевич в самом конце XIX века пишет, что находившееся на помещичьей земле церковное здание было превращено в амбар³⁰. А как выглядело оно до упадка и ремонта можно увидеть на изображении, выполненном Д. М. Струковым в 50-ые годы XIX века³¹. На этом рисунке (ил. 6), кстати, известном Е. А. Айбабиной, поскольку она ссылается на него³², похожие на надгробия большие плиты в стенах отсутствуют. Кладка однородная, сложенная из среднего и малого размеров бута. Невозможно, чтобы такая важная составляющая кладки, как двухметровые прямоугольные плиты в ее верхней части, ускользнула от внимания опытного рисовальщика древностей Д. М. Струкова. Очевидно, что они появились в кладке церкви после означенного ремонта и никак не могут быть привязаны к ее датировке. Видимо, именно тогда, при укреплении верхних участков стен, вместо утраченных по каким-то причинам «родных» камней и были внедрены в кладку большие прямоугольные плиты, напоминающие надгробия. Возможно даже, что они были взяты с армянского

²⁷ Айбабина Е. А., 2004, № 5, 14–15.

²⁸ Смирнов В. Д., Т. I, Вып IV, 288.

²⁹ Տէր-Աբրահամյան Օ., նիւս 2, 127 (Тэр-Абраамян О., Ч. 2, 127):

³⁰ Маркевич А. И., 1899, № 29, 109.

³¹ Рисунки Д. М. Струкова (120 листов) хранятся в отделе ИЗО Российской государственной библиотеки, в папке «Рисунки древних памятников христианства в Тавриде» (см.: Ларина А. Н., 2002, Вып. 4, 324–334).

³² Айбабина Е. А., 13.

кладбища, существование которого в окружении этой сельской приходской церкви не исключается.

Однако, проведенный ремонт ненадолго укрепил древнее сооружение. Ю. Кулаковский свидетельствует о его плачевной участи уже в начале XX века: «До недавнего времени существовали две армянские церкви в селении Топлах, которые были разобраны на камень местным землевладельцем»³³. Впрочем, не исключено, что Ю. Кулаковский саму церковь не видел и свое сообщение составил на основе гораздо более ранних сведений, относящихся к периоду до ремонта. На эту мысль наводит факт расхищения камней, что и могло стать причиной появления в кладке чужеродных плит.

Самое раннее упоминание и подробное описание церкви Сурб Саргис в селе Топты находим в книге М. Бжишкяна, написанной в 20-ые годы XIX века³⁴. Автор черпал сведения у тех малочисленных крымских армян, которые после вхождения полуострова в состав Российской империи вернулись обратно. Поэтому, данное им название церкви – Сурб Саргис, следует считать единственно правильным. Достоверность этого названия подтверждает и тот факт, что жители крымского Топты, обосновавшись у берегов Дона, заложили не только новое одноименное село, но и новую одноименную церковь – Сурб Саргис (не сохранилась).

Из краткого описания М. Бжишкяна следует, что в начале XIX столетия здание церкви находилось в удовлетворительном состоянии. Потолок и стены были украшены росписями. Окно на западной стене имело прямоугольную форму. Особое внимание автора привлекли ниши в приалтарной зоне и хачкары, на одном из которых имелась армянская надпись. У входа в церковь стояла полуразрушенная часовня, на арочном своде которой также виднелись росписи³⁵. Следующий автор, обратившийся к этому памятнику, был Д. М. Струков, подробно изобразивший не только саму церковь, но и шесть ее хачкаров. Все они ныне существуют, но со значительными изъянами. Хачкар с двумя смежными композициями, единственный неизвестный Д. М. Струкову, видимо, в момент его посещения оставался под слоем штукатурки. О. Тэр-Абрамян также пишет о хачкарах в церкви Сурб Саргис и армянских надписях на них. Помимо этого, он утверждает, что в интерьере разрушавшегося здания росписи еще сохранялись³⁶. О «множестве армянских надпи-

³³ Кулаковский Ю., 207.

³⁴ Բժշկան Մ., 262 (Бжишкян М., 262):

³⁵ Там же.

³⁶ Տէր-Աբրահամեան Յ., մաս 2, 126–127 (Тэр-Абрамян О., Ч. 2, 126–127):

сей на стенах» этой церкви пишет А. И. Маркевич. Он сообщает также о находившихся стоявшем рядом с церковью фонтане и остатках «какого-то строения и склепа» у входа³⁷. Остатки какого-то сооружения у входа в церковь, видимо фонтана, изображены и на рисунке Д. М. Струкова.

Разрушенное здание церкви Сурб Саргис ныне единственное строение на этом месте. Упомянутых в источниках фонтана и часовни со склепом уже не видно. Не видно и окружавшего участок кладбища. Археологических исследований здесь не проводилось.

Постройка церкви представлена небольшим однонефным залом, вытянутым с запада на восток (ил. 5). Ориентированная на восток единственная полукруглая апсида полностью выступает из общего прямоугольного объема здания, оставляя по сторонам узкие «плечики». Обвалившийся свод некогда опирался на три, неравномерно отдаленные друг от друга подпружные арки, держащиеся на кронштейнах с широкой двухчастной профилировкой (ил. 4 и 7). С учетом стрельчатого очертания апсидной арки, единственной уцелевшей, можно судить об аналогичной конфигурации как несохранившихся подпружных арок, так и свода в целом. Апсида по высоте лишь немного уступала основному зданию, оставляя снаружи обозримой лишь макушку восточного щипца. Слегка выступающий карниз, обработанный простейшей профилировкой, местами сохранился над апсидой и северной стеной. Кровля основного короба здания была двускатной. На апсидной конхе она имела форму полконуса³⁸.

Абсолютные габариты здания по наружному периметру: 14,70 x 7,00 м. Высота стен от уровня порога дверного проема до основания свода – 4,26 м. Стены церкви выложены на известковом растворе из среднего и малого размеров дикого известкового камня с подтеской лицевой поверхности. Применена техника двухлицевой кладки с внутренней забутовкой. Порядовка соблюдена. В верхних рядах кладки снаружи использованы прямоугольные плиты, достигающие в длину около двух метров. Гораздо больше таких плит использовано в кладке внешнего панциря западной стены (ил. 8), что указывает на его основательное, однако неудачное, восстановление³⁹. Он отошел от вертикального положения и грозит обрушением (ил. 9), в том случае когда внутренняя кладка сохранилась в целости (ил. 7). Конха апсиды

³⁷ Маркевич А. И., 109.

³⁸ Отметим, что на рисунке Д. М. Струкова кровля конхи выглядит как $\frac{1}{4}$ сферы.

³⁹ Айбабина Е. А., 15.

выполнена из бутового плитового камня. Повсеместно заметны следы штукатурки и копоти. Конструктивно ответственные участки – угловые вертикали, свод, подпружные арки, кронштейны – сделаны из гладко тесаных блоков более твердых известняковых пород. Из какого материала была кровля, неизвестно. На рисунке Д. М. Струкова она изображена черепичной (ил. 6).

На вертикальной оси алтарного полукружия помещено окно вытянутого контура, снаружи окаймленное цельным наличником прямоугольной формы. Прямоугольное окно в щипце западной стены, зафиксированное в описании М. Бжишкяна и на рисунке Д. М. Струкова, не сохранилось. Вход в церковь – один, на вертикальной оси южной стены. Проем (ширина 160 см) его увенчан арочным верхом, а снаружи отмечен скромным люнетом с ложным тимпаном внутри (ил. 10). Люнет обрамлен прямоугольным в сечении простым стрельчатым ободом на небольших профилированных кронштейнах. Он выполнен из тесаного известняка желтоватого оттенка. Тимпан стрельчатой конфигурации выложен из бута. Поверхность его оштукатурена и, видимо, была покрыта росписью. На рисунке Д. М. Струкова люнет и тимпан отсутствуют: вход увенчан арочным навершием, обрамленным простым ободом (ил. 6). Косяки дверного проема выполнены из тесаных блоков того же желтого известняка и создают впечатление наличника. Северный фасад здания – глухой.

Общее состояние памятника – аварийное. Конха наполовину разрушена. По центру апсиды зияет сквозная вертикальная трещина шириной до 20–25 см. Западная стена наполовину руинирована. Свод, подпружные арки и кровля полностью обрушены. Камни от упавших конструкций большей частью расхищены (по словам домовладельца), но некоторые еще сохраняются в завале внутри. Из-за постоянного нарастания толщи земли пол в церкви не просматривается, а стены выглядят довольно низкими. Не просматривается и алтарное возвышение. Обязательное для армянских церквей, высота его, как правило, колеблется от 80 до 90 см. Сохранившиеся элементы декоративной резьбы выветрены, выбиты и выскоблены. Отсутствуют и некоторые хачкары. На тех участках кладки, где они стояли, остались характерные пустоты. Утрачены украшавшие интерьер росписи, а также армянские надписи, высеченные на верхних слоях штукатурки.

Внутреннее убранство церкви представлено профилированными кронштейнами, некогда поддерживавшими подпружные арки, и несколькими резными нишами. Последние устроены ближе к алтарной части интерьера, что

обусловлено их использованием как складских мест при совершении богослужения и обрядов. Одна из них, простейшей прямоугольной конфигурации, открыта на западной грани левостороннего (северного) устоя, поддерживающего апсидную арку. Две другие, что открыты визави на боковых гранях устоев апсидной арки, имеют арочные верхи стрельчатого контура. Среди резных ниш выделяется купель, устроенная в северной стене (ил. 11). По размерам она больше остальных и увенчана трехлопастной аркой. В нижней части купели помещена раковина из цельного каменного блока с крестовидным четырехлопастным углублением. Внутри купельной арки визави устроены маленькие арочные нишки в качестве складских мест.

На оштукатуренных поверхностях откосов дверного проема и близлежащей зоне южной стены «хорошо видны рисунки граффити, среди которых особенно четко выделяются три корабля, три рыбки, лошадка, буквы армянских надписей. Граффити четкие, сделаны тонкими линиями, рисунки выполнены с мастерством. Рыбки имеют загнутые хвосты, чешуя нанесена перекрещенными линиями, образующими ромбы, в центре их – точки. Лошадка изображена в профиль, пышный длинный хост – из множества тонких линий»⁴⁰.

Подчеркнуто скромный и целостный интерьер (ил. 12) когда-то был наполнен росписями и поминальными хачкарами. Ныне сохранилось лишь шесть хачкаров, вставленных в нижние половины северной и южной стен, ближе к алтарной части. Это обусловлено их поминальным значением – приписываемой им ролью заступников и ходатаев, способных помочь усопшим обрести Небесное царствие. Четыре хачкара из шести представляют художественную ценность и являются интересными образцами каменной пластики Крыма XIV–XVI веков. Ниже приводится их поочередное описание с севера на юг.

Хачкар 1. Встроен в северную стену. Высечен на твердой известняковой плите с размерами: 50 x 42 см. Резьба неглубокая (ил. 13).

Композиция состоит из двух смежных арочных рам, внутри которых выступает по одному большому кресту, прорастающему из стилизованного дерева жизни. Раздвоившиеся окончания крыльев обоих крестов завершаются простыми одиночными листочками с заостренным пиком. На поверхности левостороннего креста заметны врезные контурные линии, огибающие его по периметру. Средокрестие отмечено линейным кружочком. Окончания ветвей левостороннего дерева оформлены в виде полупальметт, а правостороннего –

⁴⁰ Там же, 14.

побегов с витками по сторонам. Между крыльями левостороннего большого креста выступают четыре маленьких равноконечных крестика. Верхние из них стоят на постаментах и завершаются трилистниками. Нижние имеют расширяющиеся окончания крыльев и исходят из листьев древа жизни. Декор полей между крыльями правостороннего креста несколько отличается. Здесь по обе стороны от верхней вертикали большого креста изображено по одному растительному орнаменту в виде полупальметты на увивающемся стебле. Крестики по обе стороны нижней вертикали исходят из побегов древа, имеют удлиненные нижние крылья и в окончаниях почти не расширяются.

Ниже двойной композиции, на той же плите, вытесаны четыре простых врезных креста с расширяющимися крыльями. Памятник некогда полностью или частично был покрыт штукатуркой и открывался по ходу ее отпадения. Исходя из орнаментики и техники резьбы, хачкар можно датировать XIV веком.

Хачкар 2. Изготовлен из относительно твердого известняка и встроен в северную стену, восточнее предыдущего. Резьба неглубокая. Размеры: $\approx 123 \times 52$ см. Низ хачкара недоступен для осмотра, поскольку уходит вглубь земляного слоя. На рисунке Д. М. Струкова эта часть изображена условно.

Хачкар вытесан на прямоугольной плите с округлым верхом (ил. 16). Композиция его делится на две основные составляющие. Вверху, в округлой части, изображен взятый в кольцо равноконечный крест, крылья которого начинают расширяться от самого средокрестия. С середины своей длины они делятся на две ветви и, продолжая расходиться, упираются в дугу кольца. Примечательно, что крест всецело отступает от поверхности, между тем как обводящий его по контуру простой узкий жгут, равно как и само кольцо, выступают на уровне поверхности плиты. В результате, при осмотре этого фрагмента на первый план выходит образовавшийся между крыльями креста цветочный орнамент из четырех лепестков, а не сам заглубленный крест.

Нижнюю часть композиции занимает необычайно стилизованный крест, сложенный из равных по широте выступающих планок – узких и гладких. Причем, вертикальная ветвь креста, тянущаяся по оси композиции, пересекается тремя поперечинами, на которых изображены простейшие фигуры птиц в профиль (похожи на уток и в целом имеют симметричное расположение относительно вертикальной оси). Под нижней поперечиной, по обе стороны вертикали, изображено по одной круглой розетке с гладкой неорнаментированной поверхностью.

Хачкар имеет общие черты с древним сакральным хачкаром Сурб Хач из одноименного монастыря близ Старого Крыма⁴¹, а также другим хачкаром, найденным на территории бывшей армянской церкви в селе Грушевка⁴². Некогда в церкви монастыря Спасителя близ села Богатое имелся такой же хачкар⁴³, который впоследствии был увезен в Императорский музей Санкт-Петербурга⁴⁴. Судьба его неизвестна. Аналогичного очертания крестовая композиция имела и в другой армянской святыне села Тополевка – в церкви Сурб Урбат (Святой Пятницы, или Параскевы). Их всех объединяет округлый арочный верх с изображением взятого в кольцо равноконечного креста, «утвержденного» на нижней основе в виде удлиненного креста.

Символ взятого в кольцо равноконечного креста, известный еще с дохристианской культуры как «соляренный знак», был очень распространен в декоративной резьбе армянских духовных центров этой части полуострова. Облюбованный здешними армянами мотив, часто используемый для украшения духовных сооружений, в данном случае можно рассматривать как своего рода уподобление древнему и почитаемому хачкару Сурб Хач, имеющиеся в Армении композиционные аналоги которого датируются VI–VII веками⁴⁵. Что касается вышеописанного хачкара из церкви Сурб Саргис в селе Тополевка, то его орнаментика и исполнение позволяют придерживаться датировки XVI век.

Хачкар 3. Встроен в северную стену между предыдущим хачкаром и крестильной купелью, только ниже (ил. 15). Размеры: 30 x 21 см. Резьба

⁴¹ Переселившиеся в Приазовье крымские армяне в самом конце 1779 года обосновались в безлюдных степях Дона. Здесь они со временем заложили город Нор-Нахиджеван (Новый Нахичевань), который ныне входит в состав города Ростов-на-Дону, и шесть окружных деревень, дав им названия своих крымских поселений. Точно так же, в память об оставленных на полуострове святынях, бывшие крымские армяне построили здесь одноименные новые, которым передали имущество своих прежних церквей и монастырей. Монастырю Сурб Хач, построенному в окрестностях Нор-Нахиджевана, был передан и одноименный хачкар из крымского престольного монастыря Сурб Хач. Тот, по преданию освященный апостолом Фаддеем, был привезен из Армении первыми переселенцами. Ныне хачкар хранится и экспонируется там же, в монастыре Сурб Хач Ростова-на-Дону.

⁴² Хачкар из крымского села Грушевка (бывшее село Сала или Салы) был обнаружен в 2008 году во время ремонта здешней армянской церкви, которая с начала XIX века служит русскому православному приходу. В 2009 году хачкар был тайно вывезен в Ростовскую область и ныне хранится в армянской церкви Пресвятой Богородицы в селе Большие Салы Мясниковского района.

⁴³ **Բժշկեան Ս.**, 260 (**Բժիշկյան Մ.**, 260); Русский перевод этого отрывка из книги М. Бжишкяна, 1877, Т. X, 445.

⁴⁴ **Պատկանյան Չ.**, 1879, 61–62 (**Патканян Р.**, 1879, 61–62):

⁴⁵ **Տարգյան Դ. Յ., Սեդրոսյան Մ. Վ.**, 29.

поверхностная. Рисунок не читается, поскольку полностью выскоблен. Можно разглядеть лишь огибающую композицию простую прямоугольную раму со стрельчатым верхом. Согласно рисунку Д. М. Струкова, внутри рамы выступал слегка удлиненный незамысловатый крест, в виде пересечения двух узких гладких жгутов.

Хачкар 4. Высечен на известняковом блоке прямоугольной формы и встроен в нижнюю половину южной стены, в приалтарной зоне. Расположен по левую сторону прямоугольной ниши, образовавшейся на месте вынутого из кладки камня (обычного или украшенного резьбой, неизвестно). Размеры: 50 x 35 см. Резьба поверхностная (ил. 14, 17). Памятник можно датировать XV веком.

Композиция, несколько сдвинутая к левому ребру блока, взята в незамысловатую прямоугольную раму со стрельчатым верхом. Внутри рамы изображен крест, раздвоившиеся окончания крыльев которого завершаются одиночными листочками. Крест исходит из стилизованного древа жизни. Симметрично расположенные ветви последнего завершаются изящными орнаментами лилии, из которых исходят маленькие простые кресты: по одному с каждой стороны от нижней вертикали креста. Композиция хачкара на 50 процентов выскоблена. По обе стороны верхней ветви основного креста заметны неразборчивые следы орнаментов, возможно, крестов. Если бы не последние, хачкар можно было бы идентифицировать с нижним правым хачкаром, изображенным на рисунке Д. М. Струкова. Впрочем, возможно, художник застал памятник уже разрушенным и попытался запечатлеть его целостный вид, отказавшись от угадывания деталей.

Ниже композиции, на том же блоке, есть два простых врезных креста, из которых правый еле заметен.

Хачкар 5. На южной стене, западнее предыдущего. Это правосторонний из двух хачкаров, расположенных по сторонам прямоугольной ниши, возникшей на месте вынутого из кладки камня (ил. 14, 18). Размеры: 81 x 48 см. Композиция вытесана на лицевой стороне прямоугольной известняковой плиты, которую по периметру огибает однострочная армянская надпись. Выполненная выступающими заглавными буквами, она большей частью разрушена и выскоблена (таб. 1). Читается: «[Святой крест] поставлен в заступничество Арамаису // и родителям его. В лето 830 [= 1381 год]». Наиболее ясно читающиеся последние две строки вытесаны в нижней част композиции, по обе стороны символического семени, из которого произрастает стилизованное древо жизни. Здесь буквы такие же заглавные, но не выпуклые.

Гр. Григорян предлагает другое чтение этой литографии, которое нельзя считать верным: «... крест ... за Карапета ... и его родителей. В лето 830 [= 1381]»⁴⁶. М. Бжишкян приводит лишь последние две строки надписи, да и то с неверным чтением даты – 1387 год⁴⁷. Его публикация служит явным свидетельством того, что уже в 20-ые годы XIX века надпись была разрушена и с трудом поддавалась чтению. Если прибавить к этому и то, что свод церкви в тот период был еще невредим и защищал интерьер от внешнего климатического воздействия, то факт преднамеренной порчи рассматриваемого хачкара на рубеже XVIII – XIX веков станет очевидным. Причем, сделанное заключение касается отнюдь не единственного памятника: после переселения крымских христиан в 1778 году армянские древности села Топты, оставшись бесхозными, подверглись грабежу и вредительству.

К той же надписи обратился и О. Тэр-Абрамян. Он привел ее в том же виде, что и М. Бжишкян, включая и неверное чтение даты⁴⁸. Что касается Д. М. Струкова, то на своем рисунке он изобразил лишь орнаментальную составляющую памятника – без огибающей периметр литографии.

Центральную часть композиции хачкара занимает равноконечный пасцветший крест, исходящий из стилизованного древа жизни. Он помещен под трехлопастной аркой с килевидным пиком. В отличие от арки, высота рельефа которого составляет около 2 см, резьбе креста и древа свойственна поверхностность. Высота рельефа здесь достигает от силы 0,5–0,7 см. Крылья креста, расширяющиеся сразу от средокрестия, в окончаниях раздваиваются и завершаются парами трилистников. Поверхности крыльев украшены выемками, а ближе к окончаниям – жгутовой плетенкой, выходящей за границы крыла в виде ромбообразного витка между трилистниками. Зона средокрестия, в сегментах между исходами ветвей, отмечена такими же одиночными витками, упирающимися в крылья своими жгутовыми концами. Широкие округлые ветви древа украшены мелкой плетенкой и обращены к нижнему крылу креста. Завершаются они маленькими округлыми завитушками – по одной с каждой стороны. Из под ветвей отделяются незамысловатые широкие листовые мотивы. Древо произрастает из символического семени, которое помещено ниже по центру. Оно изображено в виде взятого в кольцо крупного округлого бутона, повернутого вниз

⁴⁶ Ср.: Դիվանի հայ վիմագրություն, 1996, Գ. 7 (Ուկրաինա, Մոլդովա), 117 (Свод армянских надписей, 1996. Прак VII (Украина и Молдова). 117):

⁴⁷ Ср.: Բժշկեան Մ., 262 (Бжишкян М., 262):

⁴⁸ Տէր-Աբրահամեան Յ., մաս 2, 127 (Тэр-Абрамян О., Ч. 2, 127):

головой. В нижней своей части кольцо переходит в простой трилистник. Хачкар сильно выветрившийся.

Хачкар 6. Маленький и незамысловатый, он встроен в южную стену несколько выше предыдущего (ил. 19). Размеры: 29 x 20 см. Резьба неглубокая.

Композиция представлена слегка удлиненным выступающим крестом, взятым в прямоугольную рамочку со стрельчатым верхом. Неширокие, ровные, как планочки, крылья креста раздваиваются лишь в окончаниях, завершившись упирающимися в узкие борта рамы одиночными листочками. Ниже композиции заметны два врезных равноконечных креста с расширяющимися крыльями. Хачкар сильно выветрившийся. Датировка затруднительна.

В результате отпадения штукатурки и обнажения нижней части плиты, под композицией хачкара, над упомянутыми двумя врезными крестами частично открылась однострочная (?) армянская надпись – граффити (таб. 2). Читается лигатурное обращение к кресту: «Помоги Хачатуру (?)».

Вторая церковь в селе Тополевка посвящена великомученице Сурб Урбат – Святой Пятнице (Параскеве)⁴⁹. Находится она на юго-восточной окраине села, на 70-м км шоссе Симферополь – Феодосия, справа на холме (ил. 20). Церковь расположена в небольшой рельефной впадине рельефа (ил. 1, 21, 22), почему и видится снаружи видится невысокой и невзрачной, между тем как изнутри она стройна и величественна (ил. 23, 24). Ныне из-за густых кустарников и зарослей со стороны шоссе (с запада и северо-запада) ее почти не видно. Но с юга и юго-востока, со стороны небольшого водохранилища, она продолжает занимать доминирующую позицию в окружающей местности, представленной свободной от застройки живописной холмистой долиной. В непосредственном окружении памятника просматриваются поросшие травой остатки стен и ограждения, что позволяет предположить существование здесь некогда монастыря или же укрепленной церкви. Южнее расположено кладбище с несколькими сохранившимися надгробиями из необработанного камня⁵⁰. На северном склоне холма, в зарослях, прослеживаются остатки лестницы, ведущей к церкви. В свое время она состояла из

⁴⁹ В украинском реестре покосившееся здание церкви значителен как памятник национального значения. И тем не менее, оно было и есть бесхозным.

⁵⁰ О кладбище с плитами без надписей упоминает и А. Маркевич (см. его: Памятники христианства в окрестностях Бахчисарая и Карасубазара, 109.)

80 каменных ступеней⁵¹, но по причине строительства автотрассы большей частью была разрушена. Существовавший некогда глиняный трубопровод, снабжавший территорию церкви водой⁵², свидетельствовал о наличии фонтана – неотъемлемой составляющей армянских духовных центров.

Исторических данных о времени сооружения церкви Сурб Урбат не сохранилось. Первое ее упоминание встречаем у Эвлии Челеби в середине XVII века. Он пишет, что «на одном из холмов» села Топлу-кёй, являвшегося местожительством «армянских неверных», стояла «их церковь»⁵³. Челеби называет этот участок «местом прогулок», скорее всего, имея в виду известность и широту паломнических празднеств, устраиваемых у стен церкви.

Согласно армянской надписи, вытесанной на прямоугольной плите, встроенной в западный фасад (ил. 25), здание церкви было восстановлено в 1702 году. Надпись состоит из 11 строк (таб. 3). Последняя строка не уместилась на положенном месте и была вытесана на бортах плиты – с обеих сторон:

Сей славный храм Божий,
Что принадлежит армянской общине⁵⁴,
Вновь построен [= обновлен] от основания
Милостивой данью [армян] страны Крым,
Во имя святой девы Пятницы⁵⁵,
В предводите[льство Ако]ба – сведущего духовного главы⁵⁶,
И [управление] кафинцев магдеси Ованэса
И магдеси Айтына,
Руками каменщиков Григора и Тонакана,
В усладу священнику тэр Вардану,
Дьякону Саргису, в лето 1151 [= 1702 год]⁵⁷.

⁵¹ **Բժշկեան Մ.**, 263 (Бжишкян М., 263); **Տէր-Սրբաւանեան Յ.**, լիւս 2, 127 (Тэр-Абраамян О., Ч. 2, 127):

⁵² **Бабков И. И.**, 1939, Т. 71, Вып. 9, 1046.

⁵³ **Эвлия Челеби**, 152.

⁵⁴ Этот пассаж пришлось осмыслить заново, поскольку предложенное Хр. Кушнеряном и распространенное в литературе понимание «Сей храм славы Божьей, / Что суть образ армянской нации» лишено всякого смысла (ср. с: Армянские древности Таврического полуострова, 445–446).

⁵⁵ Дева Пятница, Святая Пятница, Святая Параскева – христианская великомученица III века. Персонифицирует Страстную Пятницу – день распятия и крестных страданий Христа. Согласно житию, родители ее особо почитали этот день, поэтому и родившуюся дочь назвали Пятницей.

⁵⁶ Речь идет об архиепископе Акобе, о котором упоминают многие источники. Он являлся духовным предстоятелем крымских армян и местом пребывания которого монастырь Сурб Хач.

Восстановление церкви в 1702 году говорит о ее фактическом существовании и до этого времени, что подтверждается сообщением Эвлии Челеби. А значит, само основание постройки можно отнести как минимум ко времени активного заселения местности армянами в XIV веке. Дело в том, что позднее, во времена зависимости Крымского ханства от Османской Порты (1475–1774 годы), основание новых христианских культовых зданий было запрещено, однако старые церковные постройки можно было восстанавливать, получив соответствующее разрешение властей⁵⁸. Обратим также внимание на то, что село Топты было довольно многолюдным. Даже к середине XVII века – не в самое благоприятное время в истории армянской колонии Крыма – оно имело около 500 жителей. Надо полагать, их было гораздо больше в период, когда Крым являлся важным транзитным узлом в товарообмене Восток – Запад. Ведущая роль полуострова обуславливалась деятельностью итальянских факторий на Черном море с конца XIII века по 1475 год, крупнейшая из которых функционировала в Кафе. Именно многочисленностью населения села Топты и следует объяснить наличие в нем двух церквей.

На западном фасаде церкви Сурб Урбат, в верхнем северном углу, сохранилась еще одна армянская надпись (ил. 26). Она состоит из четырех строк и имеет памятное содержание (таб. 4). В противоположность надписи 1702 года, высеченной выступающими, четко выведенными буквам, эта надпись выполнена во врезной технике: «Я, Ованэс, сын священника Даниэла из Кафы»⁵⁹. Сказанное в надписи следует понимать так: «Я, Ованэс, сын священника Даниэла из Кафы, [оставил надпись в память о себе]».

В центральной части апсиды снаружи также имеется несколько армянских надписей памятного содержания. Так, в нижней половине апсиды, по центру, помещена большая четырехстрочная врезная надпись (ил. 27), занимающая площадь 31 x 45 см (таб. 5). С трудом читается: «Я, Тэван из Кафы, сын Большого Саака, [оставил надпись в память о себе] в лето 1162 [= 1713 год]»⁶⁰.

⁵⁷ Публикации см.: **Բժշկեան Մ.**, 263 (**Бжишкян М.**, 263); **Տէր-Սրբաւանդեան Յ.**, մաս 2, 127–128 (**Тэр-Абраамян О.**, Ч. 2, 127–128); Դիվանի հյւ լիւմարութիւն, Գ. 7, 117–118 (Свод армянских надписей. Выпуск VII. 117–118); Русский перевод ср. с: Армянские древности Таврического полуострова, 445–446.

⁵⁸ **Гордлевский В. А.**, 1968, Т. IV, 19.

⁵⁹ Надпись прочитана и опубликована Гр. Григорьяном, но с неточностями (ср. с: Դիվանի հյւ լիւմարութիւն, Գ. 7, 119 (Свод армянских надписей. Прак VII, 119).

⁶⁰ Публикация армянского оригинала надписи нуждалась в исправлении (ср с: Դիվանի հյւ լիւմարութիւն, Գ. 7, 119 (Свод армянских надписей. Выпуск VII, 119).

Правее высечена двустрочная врезная надпись (ил. 28), занимающая площадь 26 x 8 см (таб. 6): «Я, Микаел из Бахчисарая, [оставил надпись в память о себе]»⁶¹.

Следующая надпись находится выше приведенных двух: в алтарное полукружие встроены фрагмент старой детали из песчаника охристого цвета с остатками старой армянской надписи (видны 2 выступающие заглавные буквы высотой в 5 см). Над ней заметна искаженная царапинами другая армянская надпись из маленьких букв. Фрагмент обработан вторично (ил. 29). На нем высечен утонченной формы листовый орнамент, от которого сохранилась нижняя часть (таб. 7). Рядом с орнаментом, справа, поздняя, выцарапанная надпись в 6 строк на площади 32 x 22 см: «Я, Лойс-парон, сын Товмаса, [оставил надпись в память о себе] 1100 [=1651 год]»⁶².

Церковь Сурб Урбат также опустела в конце XVIII века – после переселения крымских армян. Наиболее раннее ее описание составлено М. Бжишкяном в 20-ые годы XIX века. Он пишет, что к церкви поднимались по каменной лестнице, выложенной на склоне холма и состоящей из 80 ступеней. Вокруг простиралось кладбище, а ниже – живописные сады и долины. Внутри постройки местами были видны хачкары и остатки росписей. Над входным проемом имелась арочная ниша, роспись внутри которой изображала Богородицу и младенца Христа⁶³.

Описание М. Бжишкяна почти в точности повторяет О. Тэр-Абраамян в 60-ые годы XIX века⁶⁴. В целом такие же сведения о церкви Сурб Урбат приводит Гавриил, архиепископ Таврический и Херсонский. Однако у него есть важное дополнение – «при алтарном полукружии справа тоже икона Богородицы, а слева ангела, но какого именно, определить нельзя»⁶⁵. Скорее всего, в приалтарье была изображена композиция «Благовещения» с Девой Марией и Архангелом Гавриилом, часто встречающаяся в армянских церквях Крыма. Заметим также, что архиепископ Гавриил упоминает две святыни «при деревне Топлу», посвященные Святой Параскеве (Урбат, Пятнице): одна из них – церковь на холме, другая – руины недалеко от первой, близ пруда на земле помещицы Зотовой⁶⁶. Вокруг второй древности, приписываемой грекам, в третьей четверти XIX века сформировался Топловский женский

⁶¹ Надпись опубликована Гр. Григоряном, но неверно (ср. с: Դիւանի նախ լիւսադրուիւմի, Գ. 7, 118–119 (Свод армянских надписей. Прак VII, 118–119).

⁶² Публикуется впервые.

⁶³ Բժշկանի Մ., 263 (Бжишкян М., 263):

⁶⁴ Տէր-Աբրահամի Յ., նիւս 2, 127 (Тэр-Абраамян О., ч. 2, 127):

⁶⁵ Гавриил, архиепископ Херсонский и Таврический, 1844, т. I, 325.

⁶⁶ Там же.

монастырь Святой Параскевы, возобновивший свою деятельность в первой декаде XXI века. Согласно А. Маркевичу, в конце XIX века в пределах ограды этого монастыря оказался и армянский храм Сурб Урбат⁶⁷. Этим и объясняется присутствие монахини у его входа на одном из старых рисунков (ил. 32), равно как и удаление алтарного возвышения с целью приспособления здания к обряду Русской православной церкви. А о том, что алтарное возвышение удалено свидетельствует чрезмерно высокое и неудобное расположение, в котором оказались ниши в апсиде.

По своей архитектуре церковь Сурб Урбат близка к церкви Сурб Саргис. Это небольшое одноступенчатое здание, имеющее в плане форму вытянутого с востока на запад прямоугольника (ил. 30). Ориентированная на восток единственная полукруглая апсида почти полностью выступает из общего объема здания, оставляя по сторонам неширокие «плечики». Стрельчатый свод держался на четырех, равномерно отдаленных друг от друга подпружных арках стрельчатого контура, опирающихся на пилястры. Еще одна подпружная арка, чуть ниже остальных, разграничивает алтарную апсиду и опирается на боковые пилоны. Двускатная плитовая кровля над молитвенным залом сохранилась в незначительных фрагментах. Над конхой она имеет форму полконуса, замыкающего своим основанием полукружие апсиды. Карниз изготовлен из профилированных известковых блоков. Внутреннее пространство освещалось двумя окнами, помещенными на продольной оси здания – в щипце западного фасада и в конхе апсиды. Единственный вход, устроенный в западной стене, несколько сдвинут вправо (на юг).

Абсолютные наружные габариты здания: 14,2 x 6,64 м. Высота западного фасада от уровня порога дверного проема до основания свода – 5,20 м, до пика щипца – 6,15 м. Толщина стен – 0,9 м. Стены и апсида построены из дикого известнякового камня на известковом растворе. Применена техника двухлицевой кладки с внутренней забутовкой. Порядовка соблюдена. На внешнем панцире кладки имеются вставки из крупных камней с подтеской лицевой стороны. Посредине апсиды, снаружи, тянется целый пояс таких вставок. Конструктивно ответственные части – свод, подпружные арки, пилястры, дверной и оконные наличники – сделаны из гладко тесаных блоков твердых известковых пород. Конха апсиды выполнена из плитового бута.

Южный и северный фасады глухие, восточный слабо расчленен. На нем выступает полукруглая апсида, на вертикальной оси которой помещено

⁶⁷ Маркевич А. И., 109.

маленькое прямоугольное окно. Апсида по высоте лишь немного уступает основному зданию, оставляя обозримой лишь макушку щипца.

Относительно богаче выглядит решение западного фасада с асимметрично расположенными элементами убранства (ил. 31). Вертикальная ось его подчеркнута высоким, прямоугольным окном в щипце, обрамленным наличником из тесаных блоков. Входной проем, завершающийся полуциркулярным верхом, также устроен в западной стене, но южнее вертикальной фасадной оси. Выше входного проема, в глухом люнете, установлен выложенный из бута и оштукатуренный ложный тимпан стрельчатого контура. Снаружи он обрамлен прямоугольным в сечении ободом такого же контура, опирающимся на профилированные кронштейны.

Кроме описанных элементов убранства, в западный фасад встроена и прямоугольная каменная плита черного цвета с армянской надписью об обновлении церковного здания в 1702 году. Она также установлена на вертикальной оси фасада, но гораздо ниже окна – на уровне люнета с тимпаном.

Сохранилось графическое изображение западного фасада церкви, выполненное не ранее 70-х годов XIX века (ил. 32). На нем отчетливо видно, что в тот период окно в щипце было не только значительно меньше, чем сейчас, но и имело вытянутую вширь конфигурацию. Далее, плита с надписью 1702 года окаймлена широкой рамой в виде скрученных вовнутрь краев свитка, все борта которой равны по ширине. Причем рама высечена на той же плите, что и надпись, по самому ее периметру. Ныне же от прежней рамы сохранился лишь левый борт. И, наконец, портал представлен дверным проемом прямоугольной формы с внушительной по размерам перемычкой вверху. Над проемом видна неглубокая ниша, обрамленная стрельчатой аркой с колонками по бокам. В ней изображена роспись «Богородица с младенцем Христом».

Внутреннее убранство церкви отличается подчеркнутой скромностью. Оно ныне представлено поддерживающими подпружные арки четырьмя парами пилястров, замыкающихся слабо профилированными карнизами, и четырьмя небольшими стенными нишами различных размеров в приалтарной зоне (ил. 33). В нишах складывали церковные принадлежности используемые во время совершения богослужения и обрядов. Две из них имеют прямоугольную форму, а две другие покрыты резными пятилопастными навершиями. Крестильная купель, устроенная в северной стене, ближе к алтарю, также увенчана пятилопастной аркой (ил. 34). В ее нижней части некогда располагалась каменная раковина для крещения. Ныне она отсутствует. Виден лишь водосток, уходящий вглубь кладки и выходящий за северной стеной здания.

В интерьере местами заметны следы штукатурки, покрытой копотью. Росписи утрачены. Еще в конце XIX века внутри церкви на стенах было «много армянских надписей и изображений крестов с красивыми орнаментами»⁶⁸. Ныне внутри памятника не сохранилось ни одной армянской надписи, а из уцелевших элементов, представляющих интерес, можно назвать лишь три фрагмента небольших, сильно сбитых и выветрившихся хачкаров. Описание их приводится поочередно с севера на юг.

Фрагмент хачкара 1. Выполнен на покрытой копотью небольшой плите, установленной над купельной нишей, чуть правее (ил. 35). Размеры: 20 x 30 см. Резьба неглубокая. Подробно описать рисунок хачкара невозможно, поскольку он разрушен на 70%. Тем не менее, ясно, что центральной фигурой композиции является взятый в кольцо равноконечный крест.

Хачкар 2. Размеры: 55 x 44 см. Резьба неглубокая. Встроен внутри апсиды, в ее южной половине (ил. 36). Прямоугольная плита, из которой изготовлен хачкар, увенчана полукруглым верхом. Композиция взята в арочную раму из простого валика, огибающего плиту по лицевому периметру. В центре композиции – равноконечный крест с расширяющимися окончаниями крыльев. Нижнее крыло сбито.

Фрагмент хачкара 3. Размеры: 34 x 28 см. Встроен в кладку южной стены (ил. 37). Представляет лишь верхнюю половину композиции, взятую под полукруглую арку. Видны верхнее и горизонтальные крылья креста с расширяющимися окончаниями. Между крыльями высечено по одной круглой розетке с простым шестилепестковым цветочным орнаментом внутри.

Некогда близ купели располагалась еще одна композиция с крестом (ил. 38). Та была встроена в северный борт апсидной арки и лицевой стороной обращена на запад. По мотиву была схожа с фрагментом хачкара 1: В верхней округлой части был вытесан взятый в круг равноконечный крест с расширяющимися крыльями. Соседствующие окончания ветвей у периметра круга приближались друг к другу, образуя вокруг креста цветочный орнамент из четырех лепестков.

Еще один взятый в круг равноконечный крест с расширяющимися крыльями был высечен на плите, встроенной в южную стену интерьера. Ныне из всей композиции просматривается лишь кольцо – остальное стерто. Рядом с ним, на той же плите, правее и чуть выше, помещена розетка с волютой внутри.

⁶⁸ Там же.

Техническое состояние здания церкви Сурб Урбат плачевное. Центральная и западная части свода и кровли, вместе с подпружными арками, обрушились в 2004 году. Сохранность восточной и южной стен удовлетворительная, но западная и северная – аварийные: внешние панцири их изрезаны вертикальными трещинами шириной до 20–25 см. Наблюдаются выпадение блоков карниза. Конха алтаря в удовлетворительном состоянии. Пол просматривается лишь в восточной части здания. Между тем, эта многовековая постройка представляет важную историческую и архитектурную ценность. Ее интерьер выделяется величием, стройностью и гармонией. Вход с юго-западного угла открывает внутреннее пространство под углом, что усиливает впечатление ритмичного построения⁶⁹. Будучи величественной изнутри и весьма скромной снаружи, церковь Сурб Урбат свидетельствует об ущербном положении армян этого региона в периоды господства Золотой Орды и Крымского ханства, характеризовавшимся жестким и повсеместным подавлением иноверцев. Невозможность строить выдающееся по внешнему облику христианское культовое сооружение, заставила зодчего вложить свой талант и мастерство в организацию внутреннего пространства церкви. И здесь он проявил себя блестяще. Думается сказанное определенным образом касается и церкви Сурб Саргис внутри села, о пропорциях и величии которой обстоятельнее можно будет судить после ее очистки от завалов.

Представленные выше армянские святыни села Тополевка нуждаются в срочных противоаварийных, реставрационных и консервационных мероприятиях, а их окружение – в исследовании и благоустройстве. К сожалению, неоднократные обращения по этому поводу в соответствующие организации Крыма, Украины и Армении, до сих пор остались без внимания. Лишь в 2013 году Союзом армян Украины было решено поддержать инициативу архитектора М. В. Петросяна по спасению храма Сурб Урбат, но из-за изменившейся политической ситуации работы были приостановлены на этапе создания реставрационного проекта (ил. 39). Между тем, выше перечисленные меры спасут эти интереснейшие средневековые памятники Крыма и создадут возможность для их использования⁷⁰.

⁶⁹ Халпахчян О. Х., 225.

⁷⁰ См.: Саргсян Т., 2006. № 96 (2334), 21.

1. Церковь Сурб Урбат на окраине с. Тополевка. Вид с юго-запада. 60-гг. XX в.

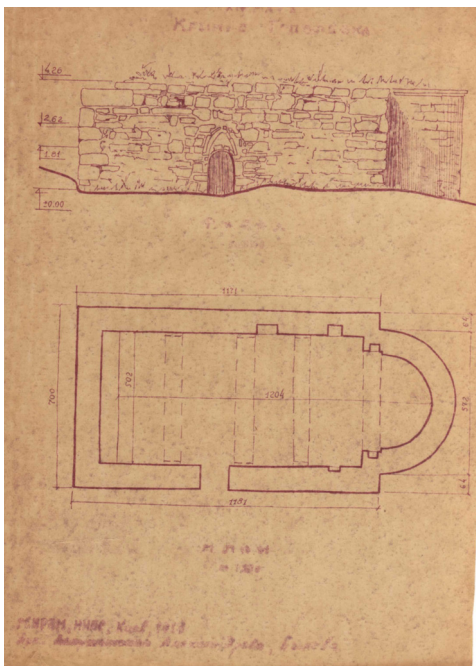
2. Церковь Сурб Саргис в с. Тополевка. Вид с северо-востока

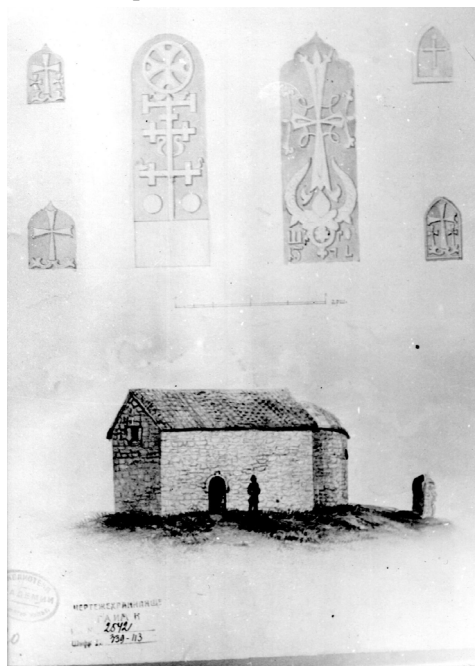
3. Церковь Сурб Саргис. Вид с юго-востока

4. Интерьер церкви Сурб Саргис. Вид на северо-восток

5. План церкви Сурб Саргис и обмер ее южного фасада (арх. – М. М. Александрова, Р. П. Быкова; Киев, 1956 г.)

6. Церковь Сурб Саргис и хачкары в ее интерьере. Рис. Д. М. Струкова. 50-е гг. XIX в.

СЕЛО ТОПОЛЕВКА В КРЫМУ И ЕГО АРМЯНСКИЕ ПАМЯТНИКИ

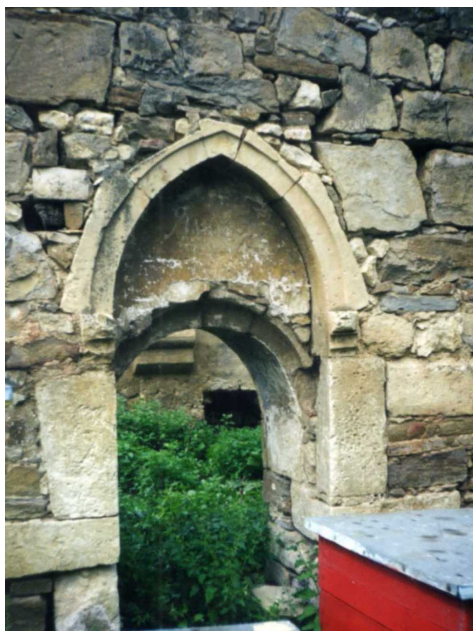
**7. Интерьер церкви Сурб Саргис.
Вид на запад**

**8. Церковь Сурб Саргис.
Вид с юго-запада. Снимок 60-х гг. XX в.**

**9. Церковь Сурб Саргис.
Отошедшая западная стена**

**10. Церковь Сурб Саргис.
Портал**

**11. Интерьер церкви Сурб Саргис.
Крестильная купель и хачкары 2 и 3**

**12. Интерьер церкви Сурб Саргис.
Вид на юго-восток**

13. Церковь Сурб Саргис. Хачкар 1 с двумя крестовыми композициями

14. Церковь Сурб Саргис. Хачкары 4 и 5 в южной стене

15. Церковь Сурб Саргис. Выскобленный хачкар 3

16. Церковь Сурб Саргис. Хачкар 2

17. Церковь Сурб Саргис. Хачкар 4

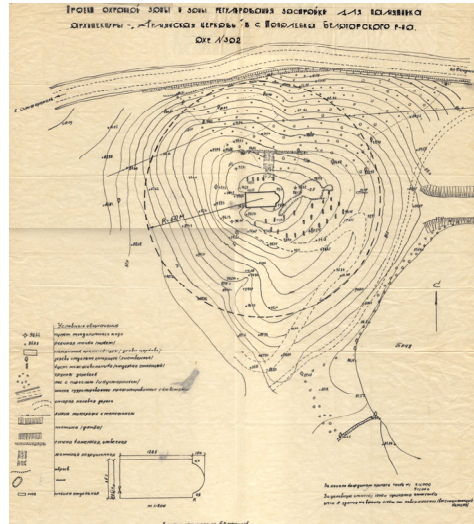

18. Церковь Сурб Саргис. Хачкар 5

СЕЛО ТОПОЛЕВКА В КРЫМУ И ЕГО АРМЯНСКИЕ ПАМЯТНИКИ

**19. Церковь Сурб Саргис.
Хачкар 6**

**20. Церковь Сурб Урбат на юго-востоке
с. Тополевка. Ситуационный план**

**21. Церковь Сурб Урбат.
Вид с юго-востока**

**22. Церковь Сурб Урбат.
Вид с северо-запада**

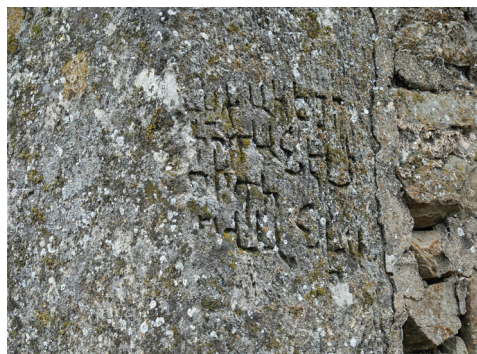
**23. Интерьер церкви Сурб Урбат.
Вид на восток**

**24. Интерьер церкви Сурб Урбат.
Вид на запад**

25. Церковь Сурб Урбат.
Надпись 1702 г.

26. Церковь Сурб Урбат.
Врезная надпись на западном фасаде

27. Церковь Сурб Урбат.
Надпись 1713 г. на апсиде снаружи

28. Церковь Сурб Урбат. Надпись Микаела
из Бахчисарая на апсиде снаружи

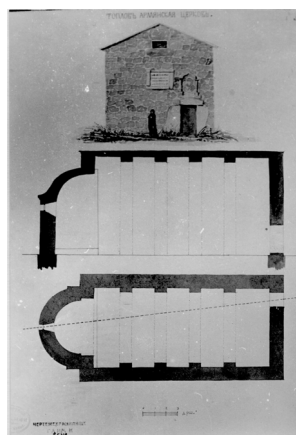
29. Церковь Сурб Урбат.
Надпись 1651 г. на апсиде снаружи

30. Церковь Сурб Урбат. План и обмер
западного фасада (арх. – М. М.
Александрова, Р. П. Быкова; Киев, 1956 г.)

**31. Церковь Сурб Урбат.
Западный фасад**

**32. Церковь Сурб Урбат.
План, продольный разрез и обмер
западного фасада. 70–80-е гг. XIX в.**

**33. Церковь Сурб Урбат.
Ниши в приалтарной зоне**

**34. Церковь Сурб Урбат.
Крестильная купель**

**35. Церковь Сурб Урбат.
Фрагмент хачкара 1**

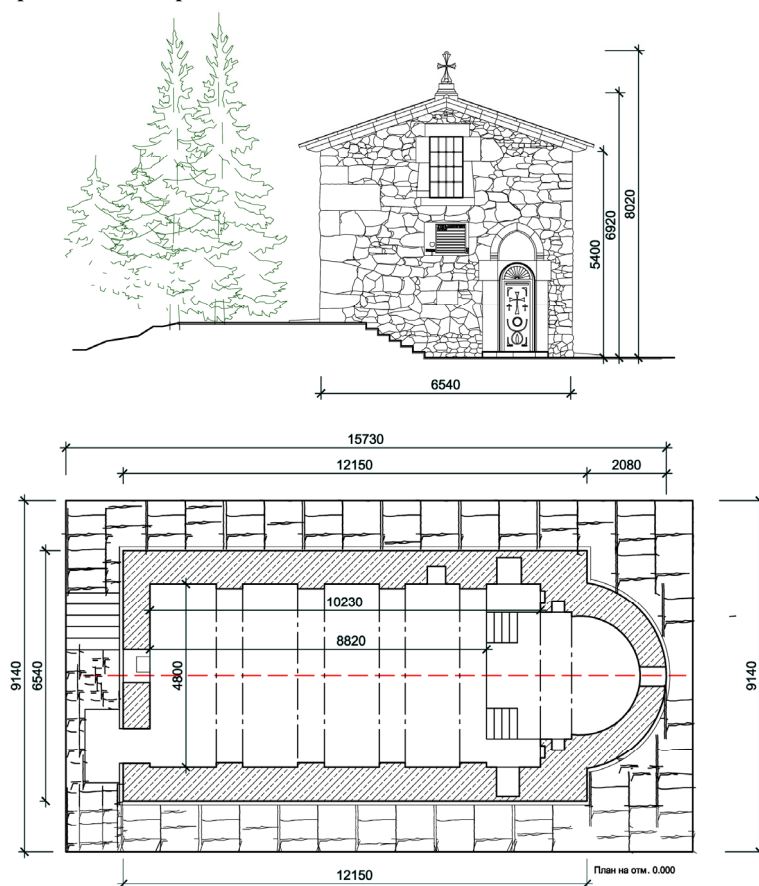
**36. Церковь Сурб Урбат.
Хачкар 2**

37. Церковь Сурб Урбат.
Фрагмент хачкара 3

38. Хачкар над купелью.
Фото 50-х гг. XX в

39. Церковь Сурб Урбат. План и обмер западного фасада из реставрационного проекта 2013 г. (арх. – М. В. Петросян)

БИБЛИОГРАФИЯ

- Айбабина Е. А.**, – 2004, Рельефы и архитектурные орнаменты средневековых армянских храмов Крыма // ИНК. 2004. № 5.
- Айвазовский Г.**, – 1867, Заметка о происхождении новороссийских армян // Записки Одесского общества истории и древностей (далее ЗООИД). Одесса, 1867. Том VI.
- Армянские поэты Крыма XV–XX вв.** Симферополь – Ереван, 2008.
- Бабков И. И.**, – 1939, Очерки по исторической и культурной географии Крыма. Водоснабжение армянского монастыря XV века в Двужорной бухте у Феодосии // Известия Государственного географического общества. М. – Л., 1939. Т. 71. Вып. 9, с. 1046.
- Бартикян Р. М.**, – 1987, О византийской аристократической семье Гаврас // ИФЖ, 1987, № 4.
- Бжишкян М.**, – 1830, Путешествие в Польшу и другие места, обитаемые армянами, произошедшими от предков из города Ани. Венеция, 1830.
- Василевский В. Г.**, – 1915, Труды. Петроград, 1915. Том 3, с. CLXXXVIII.
- Гавриил, архиепископ Херсонский и Таврический.** Остатки христианских древностей в Крыму. Уезд феодосийский // ЗООИД. Одесса, 1844. Т. I.
- Гордлевский В. А.**, – 1968, Стамбул в XVI веке (Страницы из истории Турции) // Избранные сочинения. М., 1968. Т. IV.
- Кулаковский Ю.**, – 2002, Прошлое Тавриды. Киев, 2002.
- Ларина А. Н.**, – 2002, Находка альбома Д. М. Струкова «Рисунки древних памятников христианства в Тавриде» // Москва – Крым. Историко-публицистический альманах. М., 2002. Вып. 4, с. 324 – 334.
- Маркевич А. И.**, – 1899, Памятники христианства в окрестностях Бахчисарая и Карасубазара // Известия Таврической ученой архивной комиссии (ИТУАК). Симферополь, 1899. № 29, с. 109.
- Мартirosян А. А.**, – 1958, Мартирос Крымеци, Ереван, 1958.
- Микаелян В. А.**, – 1964, История армянской колонии в Крыму. Ереван, 1964.
- Микаелян В. А.**, – 2004, История крымских армян, Ереван – Симферополь, 2004.
- Памятные записи армянских рукописей XVII в. (1621–1640 гг.) / Сост. **В. Акопян, А. Иоаннисян.** Ереван, 1978. Ч. 2.
- Патканын Р.**, – 1879, История основания Нор-Нахиджевана. Тифлис, 1879):
Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции, донесения / Сост. Н. Дубровин. СПб., 1885, Т. 2 (1778 г.).
- Кушнеряном Хр.**, Армянские древности Таврического полуострова // ЗООИД. Одесса, 1877. Т. X.
- Саргсян Т. Э.**, – 2007, Переселение армян из Аксарая в Крым и его датировка // Историческое наследие Крыма (далее ИНК). Симферополь, 2007. № 20.
- Саргсян Т. Э., Петросян М. В.** Крым: монастырь Сурб Хач. Симферополь, 2008.
- Саргсян Т. Э., Петросян М. В.** Сурб Хач. Симферополь, 1998.

Саргсян Т., – 2006, Храмы разрушает не только время. Армянские древности Тополевки // Крымское время. Симферополь, 2006. № 96 (2334).

Свод армянских надписей, Сост. **Гр. Григорян**. Ереван, 1996. Прак VII (Украина и Молдова).

Тэр-Абраамян О., – 1865, История Крыма. Феодосия, 1865. Ч. 2, с. 126–128.

Хачикян Л. С., – 2009, Армяне в древней Москве и на путях, ведущих в Москву, Ереван, 2009.

Эвлия Челеби, – 2008, Книга путешествия. Крым и сопредельные области. Симферополь, 2008.

Բժշկեան Մ., – 1830, Ճանապարհորդութիւն ի Լեհաստան և յայլ կողմանս բնակեալս ի Հայկազանց սերեղոց ի նախնեաց Անի քաղաքին. Վենետիկ, 1830:

Դիվան հայ վիմագրության, Կազմ.՝ **Գ. Մ. Գրիգորյան**. Երևան, 1996, Պ. 7 (Ուկրաինա, Մոլդովա):

Խաչիկյան Լ. Մ., – 1980, Հայերը հին Մոսկվայում և Մոսկվա տանող ճանապարհների վրա, Բանբեր Մատենադարանի, 1980, № 13, էջ 7 – 108):

Հայերեն ձեռագրերի ԺԷ դարի հիշատակարաններ (1621 – 1640 թթ.). Կազմ.՝ **Վ. Հակոբյան, Ա. Հովհաննիսյան**. Երևան, 1978, հատ. Բ:

Դրիմի հայ բանաստեղծներ XV–XX դդ. Միմֆերոպոլ, Երևան, 2008:

Մարտիրոսյան Ա. Ա., – 1958, Մարտիրոս Դրիմեցի, Երևան, 1958:

Միրայեղյան Վ. Ա., – 1964, Դրիմի հայկական գաղութի պատմություն. Երևան, 1964:

Պատկանյան Գ., – 1879, Նոր-Նախիջևանի հիմնարկութեան պատմութիւնը, Թիֆլիս, 1879:

Տէր-Աբրահամեան Յ., – 1865, Պատմութիւն Խրիմու. Թեոդոսիա, 1865, մաս 2:

TATEVIK E. SARGSYAN
PhD in History
Research Center for Crimean Studies
and Protection of Cultural Heritage of
the Republic of Crimea
statevik@mail.ru

TOPOLYOVKA VILLAGE IN CRIMEA AND ITS ARMENIAN MONUMENTS

SUMMARY

Topty (Toply, Toplu, nowadays Topolyovka) once was one of the largest and most populous Armenian villages in Crimea. Its first known reference dates back to 1305 and that allows to attribute the very foundation of the village to the frontier of the XIII–XIV centuries – the period of the next, but unprecedented scale migration of the Armenians to Crimea. The Armenian monuments of architecture, stone carving and lithography, the preserved earliest examples of which in the village date back to the XIV century, confirm the correctness of this attribution.

In the middle of the XVII century the population of Topty employs about 500 people, and by the 80s of the XVIII century – more than 200. In 1778, at the initiative of the Russian authorities, the Topty inhabitants, along with the other Christians of the peninsula, were relocated to the shores of the Azov sea, where they laid a new village Topty (now – the village Crimea in Myasnikovsky district of Rostov region). At the beginning of the XIX century Crimean Topty was inhabited by Pontus Greeks, and then – Russians. The left ownerless Armenian antiquities on its territory eventually fell into disrepair and were largely destroyed. Today, they are represented by two ruined churches of XIV century, one of which was renewed in 1702, a dozen of knocked out and scraped khachkars of XIV–XVII centuries and as many weathered lithographs of XIV–XVIII centuries.

ՏԱԹԵԻԿ ՍԱՐԳՍՅԱՆ

*Պատմական գիտությունների թեկնածու
Ղրիմագիտության և Ղրիմի Հանրապետության
մշակութային ժառանգության պահպանության
գիտահետազոտական կենտրոն
statevik@mail.ru*

ՂՐԻՄԻ ՏՈՊՈՒՅՈՎԿԱԿ ԳՅՈՒՂԸ ԵՒ ՆՐԱ ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՀՈՒՇԱՐՁԱՆՆԵՐԸ

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Թոփտին (Թոփի, Թոփու, այժմ՝ Տոպոյովկա) Ղրիմի երբեմնի ամենախոշոր և բազմամարդ հայկական գյուղերից էր: Դրա առաջին հիշատակությանը հանդիպում ենք 1305 թվին, ինչը թույլ է տալիս գյուղի բուն հիմնադրումը վերագրել XIII–XIV դարերի սահմանագլխին՝ մի ժամանակահատվածի, երբ ընթանում էր հայության հերթական, սակայն իր մասշտաբներով աննախադեպ գաղթը դեպի Ղրիմ: Նման թվագրության արդարացիությունը հաստատում են գյուղի տարածքում պահպանված հայկական ճարտարապետության, քարավեստի և վիմագրության հուշարձանները, որոնցից վաղագույնները վերաբերում են XIV դարին:

XVII դարի կեսերին Թոփտիի բնակչությունը կազմում էր շուրջ 500 մարդ, իսկ XVIII դարի 80-ականներին մոտ՝ ավելի քան 200: Վերջիններս՝ ռուսական իշխանությունների նախաձեռնությամբ, թերակղզու մնացյալ քրիստոնյաների հետ մեկտեղ, 1778 թվին տեղափոխվեցին մերձագոլյան տափաստաններ, որտեղ հիմնեցին «Թոփտի» անունով նոր գյուղ (ներկայումս՝ Ղրիմ Ռոստովի մարզի Մյասնիկովսկի շրջանում): XIX դարի սկզբին Ղրիմի Թոփտին բնակեցվեց պոնտոսցի հույներով, իսկ հետո՝ ռուսներով: Դրա տարածքում գտնվող հայկական հուշարձանները, մնալով անտեր, ժամանակի ընթացքում քայքայվեցին և հիմնականում ավերվեցին: Այսօր դրանք ներկայացված են XIV դարի երկու խոնարհված եկեղեցիներով, որոնցից մեկը հիմնովին նորոգվել է 1702 թվին, XIV–XVII դարերի մեկ տասնյակ վնասված ու քերված խաչքարերով և նույնքան էլ XIV–XVIII դարերի հողմահարված վիմագրություններով: